

Кажется театральная Москва обретает нового кумира, творит свою очередную легенду. После Анатолия Васильева, звезды восьмидесятых, человека с демоническим лицом, имидж которого составляли даже не столько его считанные спектакли, сколько авторские рассказы и рассуждения, почему не поставлены многочисленные другие. После его первейшего ученика Бориса Юхананова, совсем уж комической фигуры режиссерского андеграунда, про которого что-нибудь слышали все, но почти никто не видел тех 1,5 спектаклей, которые он как будто бы поставил — настоящих легенд не было. Москва заботилась о другом. В рядах театральных критиков, принимавших живое участие в дележе эстетического пирога, наблюдались разброд и шатания, а именно критики, это надменно-гордое племя принцепиалов, взращивает сады мифов. Хороший критик, как хороший садовник, холит и любит свой сад, оберегает его от насекомых и непрошенных гостей. Самым удачливым выпадает собрать плоды, а в нашей средней полосе, сами знаете, то град среди весны, то нежданная оттепель... Поэтому собрать плоды и удается не всем. Нынешняя легенда, нынешний «сад-огород» — Сергей Женовач.

Уже первый спектакль Женовача на московской профессиональной сцене («Король Лир» Театр на Малой Бронной) дружно признали шедевром. На этом сошлись даже те, кто во мнении друг с другом не сходилась со времен начала перестройки. Женовач ставил «Лира» с пригласенной группой артистов, настаивая тем самым, на том, что все чем располагает это не самый плохой в столице театр, его не устраивает. Спектакль вполне оправдывал требования режиссера, подтверждая лишний раз, что артисты репертуарного театра не могут (не хотят?) сжевывать текст так, чтобы пьесу Шекспира читали с драматургическими экзерсисами полузабытого Шатрова. Такой стиль существования на сцене, безусловно, прибавляет аромата жизни, мелодий улиц, но все это Москва видела пятнадцать-двадцать лет назад. Тем не менее, «невнятный реализм» Женовача породил отошедшую было манеру оценивать спектакль сокрушительным: «Что-то в этом есть». Сопутствующий всякой легенде туман лег над именем сплошным ровным слоем. В подорожавшей кофейне СГД «кабинетные»

девушки снова вздохнули: «Ну, что вы, это событие. А вам, наверное, попался такой спектакль.» Вокруг «Пучины» которую все там же, на Бронной выпустил Женовач, вновь предложив крутой эксперимент уже не только по части состава исполнителей, поклонницы ворожили заранее. Покачивая горлохливыми прическами умных людей, восхищались: «Пьеса — замечательная».

Пророчу Женовачу хорошее будущее. Видимо, есть что-то магическое в этом имени, а может быть фамилии. А может, в кротком благообразии лица. Что-то фонетически новое, умиротворяющее, что позволяет находить модный ныне консенсус тем, кто последний раз находил этот предмет в отделе культуры ЦК, да так и забыл там. Наверное, поэтому и говорят умные люди, что новое — это хорошо забытое старое.

Бывший Министр правительства Москвы. Бывший секретарь РК комсомола, куратор по этой части «кузницы отечественных театральных кадров» — ГИТИСа Павел Гусев, написал пьесу по роману А. Дюма-отца

Премьер в Театре им. Гоголя спектакля «Я вас люблю, Констанс» предшествовала солидная рекламная кампания в столичной прессе, главным образом в родственных по духу, общественно-политической ориентации и общему полиграфкомбинату, изданиях. Дружно отмечалась эпихальность премьеры: рассказывалось о толпах осаждающих театральную кассу, намекалось на полное отсутствие контрамарок в редакции, на крутые суммы, за которые идут билеты у возродившихся (очевидно, благодаря премьере в театре им. Гоголя) театральных спекулянтов. И я не без греха, купилась, пошла. Представшее зрелище было бесполезно, что естественно, учитывая вечную молодость автора, с характерной неспособностью оценить свою роль и место в театральном процессе. Оно, конечно, расположенный рядом с Курским вокзалом театр вынужден «обслуживать» не самую взыскательную публику. Но не до такой же степени. И врут оказывается не только календари, но и рекламы тоже, в особенности саморекламы. Зрительный зал заметно пустеет после антракта, а перед началом спектакля вовсе нет никакого

ажиотажа. Впрочем, может быть, именно после первого акта к перонам вокзала начали подавать задержанные составы, а может спектакль такой попался.

Свое 70-летие отметил театр им. Моссовета. Едва ли не каждая центральная газета сочла своим долгом откликнуться на это событие. Обзоров, посвященных творческому пути академического должностителя, не было. Ограничились эдакими виньетками-пожеланиями, с неизменным политическим полигиванием имядержателя — «Моссовет породил театр» и прочее, в том же духе.

Сам же театр, пожалуй единственный в Москве, выпускающий свои очередные премьеры с регулярностью наших скачков цен, отметил себя «Белой гвардией». В юбилей, как при похоронах, либо-либо. Наверное, поэтому о «Белой гвардии», кроме дежурного — новое слово в сценической летописи Булгакова, сказано не было ничего. Спектакль же получился весьма показательным для этого театра.

По тому, как выстраиваются взаимоотношения персонажей, по музыкальным заставкам с единым лейтмотивчиком — на сцене оперетты. Склонником к концепциям намечала мне казалось бы безусловную связь между самостоятельно-бодрой постановкой двухгодичной давности оперы «Иисус Христос — суперзвезда» и нынешними музыкально-драматическими новациями. Ко всему прочему, в размышлениях вылетали мотивы многолетнего кризиса в Московской оперетте. Как обычно, ларчик открывался проще. И хотя театр, в самом деле, ставил оперу «Белая гвардия», причины превращения высокого жанра в легкой будничности. Композитор Марк Минков, автор оперы, по причинам действительно концептуальным, забрал свою оперу из театра. А поскольку оформление на тот момент было сделано, то театр, позаимствовав чуть-чуть из музыки, дабы избежать нарушения авторских прав (великое все-таки дело — фрагменты), решил спектакль выпустить. П. Хомский тотчас сообразил свою сценическую версию, и скорее всего назначил премьеру. Поскольку надо было срочно вылетать в Испанию, где по контракту, «режиссер из фирмы

Заря», как за глаза определяют творческий почерк маэстро-режиссера, заранее договорился о постановке (ну, конечно же!) все той же «Белой гвардии». А вы говорите — концепция! Репертуарная политика!.. Нет, наверное, спектакль такой попался.

Тем, кто любит Ленком по душе придется «Женитьба Фигаро». Как всегда, лазеры и дымы здесь мирно уживаются с фирменным стилем Марка Захарова, превращающего любую пьесу в комикс. По сложившейся традиции последних лет, в каждом спектакле Захарова ищут и потому находят всевозможные намеки и политические прозрения. Мастер постановочного трюка, автор публичного телесжигания собственного парtbилета (любопытно, сколько на это потребовалось дублей?) видимо, набросал и тут кучу «мозгов» — благо пьеса пугала еще Наполеона. Чисто театральная интрига, однако, в другом. В спектакле нет старых «звезд», на сцене сплошь новое поколение — Лазарев-младший, Захарова-младшая, иные чада и отпрыски. В этом тоже видится акция режиссера с заминающимся надменным профилем. Такова репутация. Только вот отчетливо, несмотря на общепринятую лестность такого дебюта, артистов жалко. Хотя, не исключаю, что может быть, такой спектакль попался.

На обочине репертуарного театра возник спектакль «N» (Нижинский) в исполнении двух лучших, на мой взгляд, молодых актеров А. Феклистова и О. Меньшикова. Сочиненный, по сути, самими актерами на деньги театрального агентства БОГИС спектакль радует своей неординарностью, выломанностью из стереотипа столичной театральной жизни, где ничего не изменилось, где все ранжир — по ранжиру по сию пору даже рецензии — о премьер в театре им. Вахтангова обязательно, верноподданических, в «Независимой» и т. д. и т. п.

У Феклистова и Меньшикова есть кроме профессиональных качеств еще и характер, чтобы стать выдающимися русскими актерами. На таких надежда, господа.

Хотя, возможно, просто попался такой спектакль.

Ольга Пешева-Лешева

Доктор Зинаида — 1993 — № 2 — с. 2